

The background of the cover is a warm, golden-brown color with horizontal blinds. A dark silhouette of a plant with long, slender leaves and a central stem is positioned in the foreground, extending from the bottom towards the top. The text is overlaid on this background.

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

**СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ,
ПАСМУРНЫЙ ВЕЧЕР**

повесть

16+

Юлия Добровольская Солнечный день, пасмурный вечер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388470

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2227-7

Аннотация

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ, ПАСМУРНЫЙ ВЕЧЕР

Повесть

Часть первая

Я заметила его в первый же день, в день приезда. Ничем особенным он не выделялся – в смысле внешности или одежды. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, худощавый... И всё, пожалуй. Не совсем, нет. Его лицо... какое-то не наше. Не знаю.

Женщина рядом. Совсем обычная. Невысокая, полная, всё время улыбается. А он словно отстранён от неё... от всех.

Потом, через несколько, дней я снова его увидела.

Я сидела за столиком кафе в саду – мы с мужем обнаружили, что здесь замечательно готовят кофе по-восточному. Сидела одна – муж уехал на три дня в горы. Их отвезут к перевалу, который они преодолеют, и спустятся сперва на лыжах, а после – верхом на лошадях, назад к морю.

Я осталась по двум причинам: не переносу горных серпантинов и отсутствия элементарных удобств.

Этот поход входил в программу путёвки, и муж предвкушал его заранее. Когда я сообщила, что остаюсь, он готов был пожертвовать удовольствием, и мне стоило больших трудов уговорить его отправиться без меня.

И вот я сижу с чашкой кофе и смотрю на улицу, где начинается карнавал по случаю дней города, который продлится

неделю.

Народ подтягивался к решётчатой ограде сада, и вскоре я видела одни только спины. От нечего делать я оглянулась по сторонам. Тогда-то я и заметила его.

Он сидел через два столика от меня и тоже потягивал кофе. И тоже один. Вероятно, поджидал жену, отправившуюся за покупками. Его лицо было обращено ко мне, но за зеркальными стёклами очков не было видно глаз. Я отвернулась.

Меня тянуло снова посмотреть в его сторону. Я выждала и, как бы ища кого-то, скользнула взглядом по нему.

Я надеялась, что он уже не один. Но он по-прежнему сидел в одиночестве. Точнее, рядом расположились два парня с бокалами пива, но жены не было.

Он поставил чашку. Снял очки и посмотрел на меня. Взгляд был прямым и словно немым: он ничего не выражал – ни вопроса, ни приветствия. Если бы он улыбнулся, я бы ответила, а так...

Я смутилась и не знала, как себя вести. Всё, что подсказывало мне моё неискущённое в вопросах отношений с посторонними мужчинами воображение, это не дать ему догадаться, что он меня каким-либо образом потревожил. Я посмотрела в чашку, сделала последний глоток и поднялась с места.

За решёткой и перед ней началось оживление, послышались звуки марша. Я подошла поближе, мне уступили место.

В конце улицы показалась колонна марширующих барабанщиц. Они были в нарядных костюмах, все как на подбор – стройные, упругие какие-то, хорошенькие улыбающиеся мордашки – и выделявали своими палочками замысловатые движения, извлекая из узких сверкающих барабанов сложные ритмические пассажи. Это завораживало.

Сзади перестали толкаться и давить. Я заметила две мужских руки, опиравшихся на прутья решётки по сторонам от меня: смуглая кожа, густые волосы на запястьях и широкие рукава рубахи в знакомых ярко-синих пальмах.

Повернув голову, я поймала устремлённый на меня всё тот же немой взгляд.

Мне ничего не оставалось, как продолжить наблюдать за происходящим. Но интерес к уличному действию был потерян.

А по мостовой уже двигался цирк: акробаты, жонглёры, дрессировщики с животными – всё это ярко и шумно. Народ бурно выражал восторг. Мой добровольный телохранитель видимо больше не в силах был сдерживать натиск любопытных, я почувствовала спиной его тело: мышцы груди, живот, бёдра, колени. Его кофейное дыхание на своём плече.

Это привело меня в смятение. Спокойную, выдержанную

женщину приводило в смятение нечто совершенно непонятное... Этого не может быть, просто потому, что этого не может быть никогда. Во всяком случае, никогда не было прежде. Поэтому, что с этим делать, я не знала.

В голове всплыл разговор с дочерью, который произошёл у нас несколько месяцев назад. Даже не всплыл, он постоянно крутился в моей голове. Но сейчас мне показалось, что тема его как-то перекликается с ситуацией...

Часть зрителей потянулась за процессией, другие возвращались за столики. Мы остались одни – он и я. Я повернулась к нему лицом. Он опустил руки и отступил. Мы медленно пошли вдоль ограды к выходу.

Есть только здесь и сейчас, говорила дочь.

Здесь, в маленьком южном городке, утопавшем в цветах и дивных пряных ароматах буйной растительности, устремлённом узкими улочками с зелёных гор к синему морю, *сейчас* было лето, середина июля, полдень. И я рядом с незнакомым мужчиной.

Я не испытывала ни обычных для меня переживаний по поводу затянувшихся пауз, ни необходимости что-либо объяснять. Я постаралась «быть прозрачной». Это тоже цитата из моей дочери.

– Где ваша жена? – Вопрос прозвучал неожиданно. Я

словно слышала его со стороны.

– Там же, где и ваш муж. – У моего спутника был низкий голос. Очень подходящий к его внешности, подумала я.

– Откуда вы знаете, где мой муж? – Я посмотрела на него. Он словно ждал, когда я повернусь, и тут же накрыл меня своим взглядом.

– Я провожал их сегодня утром.

– Правда?.. А я не нашла в себе сил встать в пять часов...

– Вы не любите раннее утро?

– О, нет. Не представляю, что могло бы заставить меня встать раньше девяти утра... кроме трудовой дисциплины.

– А рассвет над морем?

– Я люблю только закаты... В любой точке горизонта.

– Вы только поэтому не поехали с мужем в горы?

– Не только. Я не люблю гор.

– А море?

– Море я предпочитаю всему на свете.

– И карнавалу?

– В первую очередь. Карнавалы и цирк я даже в детстве не любила.

– Тогда, может быть, пойдём на море?

– С удовольствием.

– На городской пляж или на дикий?

– Я не знаю пока диких пляжей, мы здесь впервые.

– Это не близко.

– Я хороший ходок и никуда спешу.

Мы шли почти молча – трудно было разговаривать, пробираясь по узким скалистым тропам – и минут через тридцать вышли к небольшой лагуне: крутые серые берега, жёлтый песок и множество кустов, торчащих из расселин.

– Осколок рая. Возможно, один из последних. – Сказал мой спутник.

– Очень похоже, – сказала я.

Я попросила его дать мне возможность переодеться в купальник.

Он сказал, что в раю не носят купальников, и вообще, море и солнце нужно принимать в обнажённом виде.

– Я ещё не настолько свободна, – сказала я и добавила: – Увы.

– Ваше увы вселяет оптимизм. – Он посмотрел на меня и впервые открыто улыбнулся.

– Моя дочь сказала бы то же самое.

– Ваша дочь воспитывает вас в духе отказа от условностей и прочей чепухи, мешающей жить здесь и сейчас?

– Откуда вы?..

Моё лицо, вероятно, отразило неподдельное удивление.

Он засмеялся.

– У меня есть сын. Ему двадцать два.

Я тоже засмеялась:

– Моей двадцать пять.

Было легко и хорошо. Его взгляд, смягчённый улыбкой, стал понятней.

Мы долго плавали, потом лежали на солнце. Мы почти не разговаривали. И в этом тоже не было ни неловкости, ни напряжения.

Когда мы вернулись в город, уже стемнело.

– Вы ужинаете в столовой? – Спросил мой спутник.

– Через раз, – сказала я.

– И что у вас сегодня?

– Сегодня хочется чего-то более интересного, чем столовка.

– Вы не будете против моей компании?

– Было бы смешно разойтись по разным ресторанам, проведя вместе целый день.

– Тогда, может быть, следует познакомиться?

Мы рассмеялись. Почему-то до сих пор ни одному из нас не пришло в голову представиться друг другу.

Он протянул мне руку.

– Сурен.

– Наташа.

Его рукопожатие было приятным... не знаю, как объяснить... но то, как человек пожимает тебе руку, говорит о

многом. По крайней мере, мне.

О чём говорило это рукопожатие? О прямоте характера и цельности натуры, что, впрочем, неотделимо одно от другого, по-моему. Ещё?.. О деликатности. О нежности...

Ну, тут я, пожалуй, уже фантазирую.

Мы запивали французскую кухню – я, правда, не уверена в этом, поскольку во французской кухне не очень-то разбираюсь – красным, французским же, вином. Вино было молодое и лёгкое, настоящее. В винах меня научил разбираться мой муж.

– Вы не против, если я закурю? – Спросил Сурен.

– Я думала, вы не курите, – сказала я.

– Я бросил, но не разучился, – улыбнулся он. – А вы курите?

– Я не курю, но умею.

Сурен протянул мне пачку сигарет.

– Можно я закажу свои?

Он подозвал официанта, и я назвала марку моих любимых дамских сигарет.

Место было не очень удобным в смысле обзора окрестностей, и мне волей-неволей приходилось смотреть на Сурена. Он, словно понимая это, не отводил своего взгляда от меня. Может, то была его уловка?..

Но смущения я не испытывала – мы улыбались друг дру-

гу, как люди, которым просто хорошо и абсолютно нечего скрывать, в том числе и это.

У него была приятная улыбка и открытый взгляд.

Исчерпав возможности организма насыщаться, мы вышли из ресторана и, не сговариваясь, спустились к набережной. В открытом море светились огни прогулочных катеров.

– Вы не устали? – Спросил Сурен.

– Не успела задать себе этот вопрос, – сказала я.

– Задайте. – Я услышала улыбку в его голосе.

– М-м-м... Кажется, нет.

– Не хотите прокатиться по морю?

– Это приглашение?

– Да.

– Принимаю.

Мы выбрали сорокаминутный маршрут вдоль побережья.

Играла музыка. Море было спокойным, и даже вдали от берега воздух казался безнадежно раскалённым дневной жарой. Только движение нашего катера создавало иллюзию лёгкого ветерка.

В городе всюду шло веселье. То тут, то там вспыхивали фейерверки. А в полночь огненное представление переместилось на центральную набережную, и в течение десяти минут море переливалось всеми цветами радуги.

От пирса было рукой подать до места нашего обитания, и мы – снова не сговариваясь – направились туда.

Я наконец-то ощутила усталость и подумала, что за всю проведённую здесь неделю у меня ещё не было такого длинного дня. И ещё: за всю мою сознательную жизнь у меня не было такого романа. Собственно, у меня и был-то всего один роман – с моим мужем. Но он был очень коротким и быстро закончился замужеством и рождением Ленки. А замужество – это уже не роман...

Стоп. Как раз обратное утверждает моя дочь: брак – если он заключён в любви и осознанности – это самый увлекательный роман.

* * *

В конце прошедшей зимы я подхватила страшную ангину и сидела на больничном. У учителей не очень-то принято болеть, но мой предмет – не математика, и даже не словесность. Считается, что для полноценного образования в области истории искусств подрастающему поколению достаточно двух академических часов в месяц. Да и то – начиная с девятого класса.

Я сидела дома и готовила лекцию по истории скульптуры для технического колледжа. Не столько для дополнительного заработка, сколько для поддержания формы.

Хлопнула соседняя дверь – это вернулись дочь с мужем. Они жили рядом – в двухкомнатной квартире, принадлежавшей когда-то бабушке моего мужа, Ленкиной прабабушке, стало быть.

Когда наша дочь вышла замуж на первом курсе, поставив нас перед фактом, пришлось попросить жильцов, снимавших квартиру, освободить её до оговоренного срока. Не отправлять же молодожёнов в общежитие, даже если у Ленкиного мужа – отпрыска одной из древнейших ветвей Индийских императоров, принца белой кости – была отдельная, полностью благоустроенная, комната.

Я помню день нашего знакомства с неожиданно свалившимся на голову, как снег... Забавный каламбур, если учесть, что Радж чёрный, как африканец – есть, оказывается, индусы светлокожие, а есть не очень...

Так вот, вошла наша Ленка и объявила:

– Ма, па, я вышла замуж.

И втащила за руку высоченного тёмного парня.

Как и любого нормального советского человека, этот факт не должен был бы нас смутить. Как-никак, мы воспитывались в духе интернационализма. Но, одно дело – идеология и теория, а другое – родная дочь.

Шок длился недолго. Мы вскоре забыли даже о том, что дочери нашей едва исполнилось восемнадцать, и вся учёба у неё впереди.

Радж был – воплощённое благоразумие и благородство манер. А русским владел едва ли не лучше некоторых, для кого этот язык является родным.

Сказать, что он был красив – значит, не сказать ничего. Высокий, атлетически сложенный, с длинными, до лопаток, густыми сияющими волосами, белозубый и с глазами, словно срисованными с древних индийских миниатюр.

На удивление, наша хиппующая дочь, не признающая иной одежды и иных манер, кроме джинсовых, выглядела вполне гармонично рядом с прекрасным сказочным принцем.

Мой муж тут же извлёк все возможные и невозможные плюсы из этого брака – он всегда умел подчинить своим интересам любые обстоятельства.

И вот им остался год до защиты диссертаций по педагогике. А после они отправятся на родину Раджа, в Бомбей, на другой край материка, и будут там учить учителей Индии. Индии очень нужны учителя.

Изредка я принималась грустить по этому поводу – по поводу скорого расставания. Но Ленкино лёгкое к жизни отношение – не легкомысленное, а именно лёгкое, открытое принятие её как данности – заражало и меня. Я училась принимать жизнь такой, какова она есть, и понимать, что такой я делаю её сама, стало быть – смирайся или меняй, только не ной. А наш последний разговор...

Впрочем, вот тут-то он и завязался.

Хлопнула дверь. Я знала, что дочь со своим мужем вернулась из университета, пообедав где-нибудь в ведическом ресторане – они занимались пищей самостоятельно довольно редко. И что сегодня вечером они ужинают у нас по причине пятницы – традиция, заведённая и поддерживаемая на протяжении вот уже семи лет главой нашего семейства.

Мне понадобилась энциклопедия, и я пошла в кабинет мужа. На пороге я замерла от непонятных звуков: с интервалом в несколько секунд кто-то сдавленно вскрикивал.

Когда я сообразила, наконец, что звуки раздаются из-за стены, где расположена спальня наших детей, я страшно смутилась. Разумеется, я знала, что вот уж семь лет наша дочь... занимается... со своим законным мужем тем же, чем и все взрослые граждане... Но я никогда так вплотную не сталкивалась с этой стороной её супружества и, тем более, над этим не задумывалась.

Я вообще на *эту* тему предпочитала не думать, даже в отношении себя. Во мне – не знаю уж, откуда – гнездились пуританские комплексы, которые, Впрочем, не очень меня беспокоили и вполне устраивали моего мужа.

Неимоверно расширившееся за последние пару десятков лет информационное пространство сделало доступным то, о чём многие – в том числе и я – раньше и не подозревали. Но меня по-прежнему смущали слишком откровенные сцены в

фильмах, и я по-прежнему считала, что в реальной жизни так не бывает.

И вот... Моя дочь столь бурно предаётся тому, чем я предпочитала заниматься не концентрируясь на этом действе, мимоходом, только в ответ на желание мужа и, уж конечно, не выказывая эмоций. Впрочем, никаких *таких* эмоций и не было.

Я застыла в дверях, хотя понимала, что нужно немедленно уйти.

Раздавшийся внезапно мужской вопль отрезвил меня.

Забыв, зачем шла, я вернулась в свою комнату и села в кресло. В ушах стояли стоны дочери и рёв её благородных кровей супруга.

Я пыталась представить себе их лица... точнее, сопоставить слышанное с образом Раджа и Ленки. У меня ничего не получалось: перед глазами вставала какая-то невразумительная картина, не имеющая ничего общего с нежным обликом одного и другой...

Раздался звонок в дверь. На пороге стояла дочь.

Её длинные светлые волосы по обыкновению распущены, просторная майка до колен, тапки на босу ногу – моя маленькая худышка с детской грудкой, не знавшей ни одного бюстгалтера в жизни... И это хрупкое тельце десять минут тому назад было терзаемо чёрным громилой... пусть и прин-

цем... пусть и красавцем...

– Ма, у тебя зелёный чай есть? У нас закончился... – Она осеклась. – Что с тобой? Ма? Я тебя разбудила?

– Нет... Чай? Да... Есть, пойдём...

От дочери, как всегда, пахло благовониями – вся их квартира пропиталась ароматными дымами Индии прекрасной... Впрочем, как и вся наша лестничная клетка.

Я протянула ей пачку чая. Она взяла её, но продолжала озабоченно на меня смотреть.

Чтобы отвлечься, я сказала:

– Ты не простынешь?.. И вообще, может быть, неприлично ходить в таком виде перед мужем?

– Ма... ты что... да мы дома голые ходим.

– Как – голые?..

– Так. Голые.

– Совсем?

– Голее не бывает.

– Зачем?..

– Нравится.

– Что нравится? – Я искренне недоумевала.

– Нравится смотреть друг на друга.

Похоже, этот короткий диалог добавил выражению моего лица новую порцию растерянности.

Ленка рассмеялась:

– Ма! Что тебя так удивляет?

Я села за стол. Я была окончательно обескуражена.

– Ма, да что с тобой? Говори! Я не уйду, пока не скажешь, что случилось.

Как уж у меня повернулся язык...

– Я зашла в папину комнату несколько минут назад...

– Ой... – Она опустила лицо. – Мы, наверное, сильно шумели? Ну извини...

– Ну что ты! Мне просто неловко стало, вот я и...

– А вы с папой что, не шумите разве?

– Лена!..

– Ма... Я сказала что-то неприличное?

– Как ты можешь об этом так...

– Мам! Но ведь это – жизнь.

– Что значит – это жизнь? Это всего лишь маленькая часть жизни, предназначенная к тому же исключительно для продолжения рода...

Ленка раскрыла рот.

Дочь с детства была очень непосредственным ребёнком. Отцовские попытки привить ей строгие манеры не оставили ни малейшего следа на Ленкиной вольной натуре. Я всегда удивлялась и немного завидовала ей – так открыто смотреть и реагировать на жизнь, на мир, на людей, не выходя при этом «невоспитанной»... Даже напротив – в её повадках было столько очарования, даже шарма.

Я же с детства была застёгнута на все пуговицы – и буквально, и фигурально.

– Девочка должна быть аккуратной, – говорила мама, и я не смела выйти из дому с невыглаженными лентами в косе.

– Не сутулься! – Шлёпала она меня по лопаткам, и я держала спину в напряжении, словно аршин проглотила.

– Умей владеть своими чувствами! – И я научилась сдерживать и смех, и слёзы, и все промежуточные эмоции.

Мой муж был таким же полноценным результатом строгого воспитания. В продолжение совместной жизни он довёл дело, начатое нашими родителями до совершенства. Совершенные манеры – поведения, общения. Совершенство стиля – в одежде, в оформлении жилища. Никаких излишеств. Тем более – вольностей. Всё строго и отточено. Он любил отточенные фразы, жесты. Он набирался этого из книг и фильмов, реже – от окружающих: он предпочитал, чтобы окружающие перенимали у него то, что для него отточили благородные герои, признанные всем цивилизованным миром. Он вставлял отточенное ими в нашу жизнь, словно клише в форму.

– Милая, как скоро ты вернёшься?.. Милая, я хотел бы предложить...

Милая – это из Папы Хэма.

Симфонические концерты мировых знаменитостей, премьеры спектаклей, о которых «говорят», вернисажи, бомонды – это из жизни цивилизованных людей.

– Мы – цивилизованные люди, – напоминал он по любому удобному поводу.

Мне не претила такая жизнь. Она была созвучна моим запросам – и этическим, и эстетическим, и прочим... Во всём должен быть порядок, логика... Так проще делать выбор между нужным и ненужным, правильным и неправильным, хорошим и плохим...

– Нет хорошего и плохого, правильного и неправильно-го! – Говорит наша дочь. – Всё относительно в этом относительном мире, каждый делает *свой* выбор, и каждый имеет право быть правым.

Мы не спорили с ней, хоть и не соглашались.

– Это возраст и время, – говорил муж. – Пройдёт! В конце концов, и из хиппи вышло немало приличных людей. Ты согласна, милая?

Но оно не проходило, а напротив – укоренялось и развивалось.

И вот – наша дочь словно и не наша. Так далеко укатиться от яблоньки...

У неё буквально отвалилась челюсть.

– Ма, ты что... серьёзно... или это в педагогических целях?

– Серьёзно. Вполне.

– Подожди... ещё раз... Ты серьёзно думаешь, что сексом занимаются только для продолжения рода? – На её живом

лице застыла гримаса напряжённого вдумчивого внимания.

Как нынче легко произносят это слово, которого до некоторых пор у нас действительно просто не было... Слова, во всяком случае.

– Н-ну... – Я чувствовала себя двоечницей, выкручивающейся из тупика на экзамене. – В основном, да...

– Ты хочешь сказать, что после того, как вы с папой зачали меня, вы больше не занимались... *этим*?

Я представила себе возможность подобной беседы со своими собственными родителями... То есть, полную невозможность чего-либо подобного.

Я взяла себя в руки – я была современной мамой.

– Ну почему же... бывает...

Ленкино лицо всё ещё было вытянуто по вертикали.

– Что значит – бывает? Вы хотите ещё одного ребёнка?

– Да нет...

– Ну и?..

– Что – ну и?..

– Значит – для удовольствия?

– Для какого удовольствия? О чём ты?!

Дочь собирала душевные и умственные силы: она закрыла глаза, поджала губы и наморщила лоб. Для пушей сосредоточенности она приложила пальцы к вискам.

Потом резко расслабилась, села прямо и сложила руки перед собой – одна на другую, как учат в первом классе.

– Мам, – начала она, – давай поговорим, как женщина с

женщиной.

– Давай. – Я стала совсем смелой и совсем современной.

– Я понимаю, – сказала дочь, – твоё воспитание, время в которое ты росла... папа, наконец...

– А что – папа? – Я не поняла её мысль.

– Что, что... Зануда, педант, сноб...

– Лена! Как ты можешь?..

– Стоп! – сказала Лена. – Не иди на поводу у стереотипов.

Я констатирую факт, а не обругиваю.

И она привела словарные формулировки употреблённых понятий. На самом деле – ничего обидного, просто характеристика человека...

– Так вот, всё это вполне соответствует вам... конкретным вам, тебе и папе. Но я знаю жизнь... – она осеклась и виновато глянула на меня. – Прости... я немного знаю жизнь...

«Дочь! – Говаривал муж, пытаясь в чём-нибудь убедить или наоборот, разубедить её. – Ты только приближаешься к настоящей, большой жизни... Ты только приоткрываешь завесу...»

– Я знаю... ну, догадываюсь, что далеко не все счастливы в браке... Да и без брака тоже... Что многим так и не удаётся в силу различных обстоятельств познать всех прелестей... э-э-э... невегетативного размножения... Но что ты... моя мама, не знаешь, что секс... что это ни с чем не сравнимая ра-

досьть!.. Я предполагала, что у вас с папой всё в порядке... Папа же такой страстный парень... – Она смутилась и сказала, извиняясь: – Ну, прости... я уже всё-таки женщина... и вижу, что из себя представляет каждый мужчина... Да, снаружи вы, как английские лорд и леди. Но я была уверена, что, оставшись наедине, вы позволяете себе съехать с катушек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.